

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

НЕИЗДАННЫЕ НАДПИСИ БАЙБУРТСКОЙ ЦИТАДЕЛИ

Недавно акад. И. А. Орбели передал мне тринадцать фотографий средневековой цитадели в городе Байбурте, находящемся на пути между Трапезунтом и Эрзерумом. Несколько фотографий дают представление об общем виде цитадели, на восьми сняты части стен и башен с надписями.

Возвышающаяся над современным Байбуртом обширная цитадель была построена как резиденция местной ветви сельджукских правителей, город же в целом, как в более раннее, так и в последующее время, являлся первой значительной стоянкой на исторической торговой магистрали, связывавшей Трапезунт через Эрзерум и Ван с Тебризом и с более отдаленными пунктами, расположенными на юг и на восток от последнего.

Фотографии относятся к 1911 г., когда И. А. Орбели, тогда молодой еще ученый, остановился на пути в район города Ван в Байбурте для осмотра цитадели. Результатом осмотра, помимо фотографий, явилось также описание последней, послужившее ему материалом для специального доклада о ней, прочитанного им в том же году, по возвращении из поездки. Ознакомление с рукописью этого доклада, остающегося неизданным, разъяснило целый ряд обстоятельств, связанных с публикуемыми надписями.

К сожалению, как выяснится ниже, одной из надписей, имевшихся на цитадели, не оказалось на фотографиях; то ли она осталась незамеченной, то ли снимок не удался или не сохранился. По словам И. А. Орбели, им были сфотографированы все встретившиеся ему надписи, увеличенные отпечатки которых он передал по возвращении из поездки акад. В. В. Бартольд.

Это увеличение было вызвано тем, что надписи на фотографиях получились очень мелкими, в сильном ракурсе и не всегда прямо, что объясняется не только высотой стен цитадели и высоким расположением на них надписей, но также и трудностью подхода к некоторым из них. Как видно на рис. 1 и как сообщает в своем докладе И. А. Орбели, перед стеной цитадели, там, где она возведена непосредственно на скале, иногда нельзя даже повернуться. При увеличении снимков надписи не потеряли своей четкости и читаются свободно. Неясно снятой оказалась лишь одна из них, которая, к счастью, как будет показано ниже, полностью повторяет другую.

Еще в 1907 г. четыре надписи Байбуртской цитадели были изданы по фотографиям К. Ф. Леманна-Хаупта и Леопольда Фавре Максом ван Бершемом в его статье „Арабские надписи из Армении и Дияр-

бекра“, вошедшей в „Материалы по древней истории Армении и Месопотамии“ К. Ф. Леманна-Хаупта.¹ Вероятно, этим обстоятельством и следует объяснить, что В. В. Бартольд, обычно равно внимательный ко всякого рода историческим материалам, не проявил особого интереса к полученным им от И. А. Орбели фотографиям, тем более, что неизданная часть надписей мало что добавляет к содержанию изданных.

Вторично надписи Байбуртской цитадели были опубликованы в историко-археологическом описании Эрзерума и его области, составленном на турецком языке эрзерумским преподавателем Абдурахимом Шерифом Бейгу и вышедшем под названием „Эрзурум“ в 1936 г. в Стамбуле.² А. Ш. Бейгу издал шесть надписей, в том числе и четыре, изданные М. ван Бершемом, одна из которых воспроизведена им полнее, чем у последнего. На статью М. ван Бершема А. Ш. Бейгу не ссылается и можно подумать, что он не имеет о ней представления.

Надписи, изданные М. ван Бершемом и А. Ш. Бейгу, были включены в вышедший в 1939 г. 10-й том „Хронологического свода арабской эпиграфики“ под номерами 3735—3739 и 3993.³ При этом надписи № 3738 издана в виде свода двух чтений, в надписях же № 3736 и 3739, изданных только А. Ш. Бейгу, встречаются мелкие дополнения, внесенные редактором этого тома.

Этим, повидимому, исчерпывается литература о надписях Байбуртской цитадели, и, вместе с тем, выясняется, что не все надписи, сфотографированные в 1911 г. И. А. Орбели, изданы. А. Ш. Бейгу признается, что он приводит не все надписи цитадели и что на ее стенах сохранились и другие, подход к которым, однако, связан с трудностями.

За время, истекшее после посещения Байбурта И. А. Орбели, в сохранности цитадели не могли не произойти изменения. Ближайшие из последующих лет, включая годы первой мировой войны, не отразились на ее состоянии. По свидетельству Ф. М. Морозова, бывшего в ту войну уполномоченным Археологической комиссии по охране памятников прифронтовой полосы на Кавказе и посетившего Байбурт в 1916 г., на территории цитадели не было заметно следов свежих разрушений, военные же действия не коснулись ее. Однако в последующие годы разрушения имели место. Об этом свидетельствует А. Ш. Бейгу, сетуя на то, что этот выдающийся, по его словам, памятник сельджукского зодчества не изучается и не сохраняется, а, напротив, растаскивается местными жителями на строительство. Ко времени выхода в свет его книги одна надпись была уже разрушена и издана им в фрагментированном виде. Поскольку, по свидетельству А. Ш. Бейгу, им издан не весь эпиграфический материал, не исключена возможность, что разрушения могли коснуться и других надписей. Между тем едва ли в последующие годы этот памятник

¹ C. F. Lehmann-Haupt. Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. Max van Berchem, Arabische Inschriften aus Armenien und Diyarbekr. Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philolog.-Histor. Klasse, N. F., IX, 3, 1907.

² Abdurrahim Serif Beygu. Erzurum (Tarihi, Anitlari, Kitabeleri). Istanbul, 1936, стр. 241—243.

³ Répertoire chronologique d'épigraphie arabe, t. X. Caire, 1939. Для упрощения, в дальнейшем эти надписи будут приводиться только под номерами указанного издания, само же оно будет называться сокращенно „Répertoire“.

мог привлечь к себе внимание археологов или стать объектом заботы и попечения. Возможно, что некоторые из фотографий И. А. Орбели являются единственными фиксациями не существующих уже надписей, к тому же остающихся неизданными. Поэтому представилось не лишним опубликовать их и тем заполнить, пусть даже и не особенно существенный, но тем не менее досадный пробел.

М. ван Бершем не останавливается на общей характеристике надписей и на описании непосредственного их окружения. Преследуя чисто эпиграфические цели, он ограничивается сообщением лишь кратких сведений об изданных им четырех надписях и воспроизводит из них на таблице только две — №№ 3735 и 3993. Поскольку одной из изданных им надписей, № 3738, нет на наших фотографиях, проверке по последним может быть подвергнута лишь остающаяся из них — № 3737.

А. Ш. Бейгу, который, задавшись целью дать описание археологии местного края, должен был, казалось бы, более подробно остановиться на Байбуртской цитадели и ее надписях, уделяет ей в общей сложности две с небольшим страницы. Хотя в его книге имеется немало иллюстраций, ни одна из изданных им надписей Байбуртской цитадели не документирована фотографией. Нет также в его книге хотя бы кратких описаний надписей, и все сводится лишь к перечню их с воспроизведением текстов. К сожалению, и само это воспроизведение неудовлетворительное, некритическое и не отвечает требованиям, предъявляемым к трудам по эпиграфике. Особенно сказывается это в надписях, впервые им опубликованных. В них обнаруживаются, с одной стороны, неполнота воспроизведенных текстов, с другой — неточности. Поэтому опознание их по нашим фотографиям требует тщательного разбора и аргументации.

Надписи Байбуртской цитадели — арабские по своему языку, за исключением одной, сообщают об одном и том же строительстве, но форма этого сообщения различна. Есть между этими надписями и другие расхождения, которые будут выявляться по мере их рассмотрения. Тем не менее в совокупности эти надписи составляют одно целое. Не принадлежит к ним надпись № 3993. Она сообщает о другом строительном факте, относится к несколько более позднему времени и резко отличается своим внешним видом и техникой исполнения. Тем самым отпадает необходимость привлечения ее при рассмотрении остальных надписей.

По фотографиям прослеживается, что в местах, где имеются надписи, стена цитадели образует ломаные линии с частыми мелкими гранями. Надписи находятся либо на крайних гранях каких-то участков стены, либо на крайних же гранях угловых башен. И в том, и в другом случае они смещены от центра граней в сторону их наружных углов, где линия стен образует резкие изломы.

В большинстве случаев надписи занимают по две плиты и большая из них, с титулом и именем правителя, помещается над меньшей — с титулом и именем придворного лица. За исключением двух случаев, о которых речь будет особо, плиты соприкасаются, но в расположении их нет единообразия. В одном случае нижняя плита находится на одной оси с верхней, в двух случаях она смещена вправо от этой мыслимой оси, еще в одном случае обе плиты выравнены по правому краю, наконец еще в одном случае нижняя плита выступает своим левым краем за левый край верхней плиты.

Вырезались надписи на специально обработанных плитах с углубленным полем и выступающими рамками. Поскольку, как будет видно из дальнейшего, содержание надписей заранее было известно и выполнение их происходило, повидимому, одновременно, нет основания предполагать, что текст наносился на плиту после того, как она была вставлена в стену. Было значительно проще и легче вырезать надпись, пока плита находилась на земле, и потом уже в готовом виде вставить ее в стену. При укладке рамка плиты пригонялась к плоскости стены и надпись оказывалась в углублении. Если эта мера была вызвана заботой о более надежном сохранении надписей, то в некоторых случаях она привела к противоположному результату. Плиты, более подверженные по своему местоположению атмосферным явлениям, быстрее поддавались действию затекающих дождевых вод и завихряющихся ветров. Разрушению плит способствовало и то, что выступающие края их рамок не выдерживали, повидимому, даже небольшой деформации в кладке стены и, в случае таковой, легко обламывались. Особенно наглядно прослеживается это явление на верхних краях рамок, где поддавались разрушению места под стыками лежащих на них камней.

По краям плит с надписями, в облицовочных камнях кладки встречаются прямоугольные и круглые гнезда, в которых, как сообщает И. А. Орбели, находились фаянсовые вставки: либо плитки, либо сосуды в виде блюдец, тарелок и мисок. Такие вставки встречаются и в ближайших к надписям рядах кладки. Попадают отдельные камни с тремя круглыми гнездами, расположенными по треугольнику, либо такой же треугольник образуют три камня, имеющие круглое или квадратное гнездо. В размещении этих вставок как по сторонам надписей, так и на стенах вообще симметрии не наблюдается. К 1911 г. все они были растасканы с целью продажи, и на месте оставалось лишь два-три обломка темного зеленовато-голубого цвета.

Судя по этим остаткам, технические и художественные достоинства керамических вставок были невысоки. Между тем они служили средством украшения и, что очень показательно, гнезд для этих вставок встречается больше в тех частях цитадели, где отеска камней более грубая и кладка стены менее удовлетворительная. Невольно возникает подозрение, что в этой попытке придать более нарядный вид цитадели скрыто желание смягчить впечатление от ее недостатков. Последних искать не приходится. Отмеченная выше несимметричность в размещении плит с надписями, да и самих керамических вставок, это лишь деталь. Как сообщает в своем докладе И. А. Орбели, строители цитадели проявили мало заботы о том, чтобы сохранить общий характер постройки. Башни цитадели, имеющие в плане вид треугольников, прямоугольников, полукругов и неполных кругов, в большинстве своем неправильной формы. Встречаются также башни совершенно несообразной формы, что вовсе не обусловлено характером местности. Поэтому при всем том, что благодаря своей величине и недоступности цитадель имеет очень внушительный вид, в чисто архитектурном отношении она оставляет желать многого. Все это свидетельствует о том, что в строительстве цитадели не принимал участия подлинный архитектор и что работа велась ремесленными мастерами. Если вспомнить, что к числу такого же типа сооружений того времени относятся стены города Ани с их исключительно высокой строительной техникой и высокими внешними достоинствами, свидетельствующими как о квалифицированных мастерах, так и о вкусе и такте архитектора, невольно Байбуртская цитадель представится провинциальной постройкой.

К сожалению, подробная аннотация фотографий И. А. Орбели не сохранилась и не во всех случаях оказывается возможным установить точное местоположение надписей. Относительно большинства их имеются соответствующие указания М. ван Бершема и А. Ш. Бейгу, не всегда совпадающие. В то время как первый относит изданные им надписи к южной стене цитадели, А. Ш. Бейгу, говоря о тех же надписях и о двух других, упоминает кроме южной стены также и западную. Однако указания А. Ш. Бейгу не всегда конкретны и, повидимому, не всегда точны. Так, надпись № 3735, которую М. ван Бершем, на основании двух независимых друг от друга указаний, отнес к южной стене, он относит к западной. Упоминания о труднодоступных надписях, А. Ш. Бейгу не указывает их местоположения и вопрос о них остается открытым.

По ходу изложения материала нам придется не только детально останавливаться на текстах, опубликованных впервые А. Ш. Бейгу, но также постоянно обращаться к изданным ранее надписям, которые повторно воспроизведены им. Из числа последних детального рассмотрения требует также надпись № 3738, воспроизведенная у А. Ш. Бейгу в более полном виде, чем у М. ван Бершема. Поскольку, как уже указывалось, надпись № 3993 нами не привлекается, остаются только две надписи, не требующие нашего рассмотрения — №№ 3735 и 3737.

Первой из них во всех трех изданиях отведено первое место. Объясняется это тем, что она относится к числу полностью сохранившихся надписей, содержит наиболее полную титулатуру правителя и единственная из изданных имеет дату, которая вполне основательно распространена и на остальные опубликованные надписи. Вторая, хоть и очень близкая к одной из издающихся ниже надписей, содержит тем не менее индивидуальные отличия, пополняющие материал надписей в целом. Поскольку, вместе с этим, нам придется останавливаться и на внешней стороне надписей, а из всех привлекаемых в настоящей статье воспроизведена фотографическим путем одна лишь надпись № 3735, при этом в издании, давно уже ставшем библиографической редкостью, то для облегчения пользования ими как в отношении текста, так и в отношении внешнего их вида, представлялось целесообразным до изложения нового материала воспроизвести их заново, сохранив порядок, в котором они были изданы у М. ван Бершема.

Надпись № 3735 (рис. 2) занимает две плиты, рамки которых повреждены под воздействием незаметных для глаза сдвигов в кладке стены. Исполнена надпись простым и грубым письмом, без особой заботы об ее внешнем виде. Последнее особенно сказывается в знаках с прямыми стержнями, стоящими то прямо, то с наклоном вправо или влево. Текст не был заранее размечен и наносился по мере исполнения, в результате чего на обеих плитах первые две строки заполнены нормально, последующие же сильно насыщены, что отразилось и на величине знаков, более крупных в начальных строках и значительно уменьшающихся в завершающих словах последних строк. Поскольку текст надписи известен, не представлялось необходимым заключить в восстановительные скобки невидимую на нашей фотографии часть 5-й строки верхней плиты.

[1] انفتحت هذه العمارة المباركة الميمونة في عهد

[2] ايام الدولة الملك المعظم العالم العادل الموحيد

[3] المظفر المنصور المجاهد المرابط مغيبث الدنيا و الدين معز الاسلام

[4] و المسلمين سيد الملوك و السلاطين كمال ال سلجوق ملك بلاد الروم

- [5] والارمن ابو الحارث طغرل بن قلع ارسلان بن مسعود بن قلع ارسلان بن سليمان ناصر امير المؤمنين
- [1] الملكى المغيشى
- [2] على يد العبد الضعيف
- [3] المحتاج الى رحمة الله تعالى¹
- [4] لولو فى منتصف ربيع الاخر سنة عشر ستمائة

Перевод

Верхняя плита:

- [1] Это благословенное благополучное строительство совпало с периодом
- [2] дней владычества аль-Мелика аль-Муаззама (в переводе: царя великого), ученого, справедливого, поддерживаемого свыше,
- [3] победоносного, вспомоществуемого свыше на победу, борца за веру, охранителя границ, Мугис ад-дунья ва-д-дин, прославляющего ислам
- [4] и мусульман, сейида (т. е. главы) царей и султанов, совершенства рода Сельджука, царя стран Рума (т. е. Малой Азии)
- [5] и Армении, Абу-ль Хариса (в переводе: Льва) Тогрула, сына Килич-Арслана, сына Мас'уда, сына Килич-Арслана, сына Сулеймана, пособника эмира правоверных.

Нижняя плита:²

- [2] При посредстве немощного раба,
- [3] нуждающегося в милости всевышнего Аллаха,
- [1] слуги аль-Мелика [аль-Муаззама] Мугис ад-дина, —
- [4] Лулу, в срединное (т. е. 15-е число месяца) Раби Второго, шестсот десятого года (соответствует 3 сентября 1213 г.).

Надпись № 3737 (рис. 3) также занимает две плиты, рамки которых повреждены в результате распада швов и сдвига в кладке слева. Рамки на соприкасающихся краях плит разрушены и на месте их соприкосновения видна ямочка, происшедшая, повидимому, от попадания пули. Такие же ямочки видны на расположенных справа камнях облицовки. Кроме указанных повреждений, на верхней плите имеется выщербина, повредившая начало 3-й строки. Исполнена надпись таким же письмом, как и предыдущая, более мелким на верхней плите и более крупным на нижней. Надпись на верхней плите более ровная, чем это наблюдалось на верхней плите надписи № 3735, но и здесь текст не был предварительно размечен и неуместившиеся в последней строке два слова вынесены на нижнее поле.

- [1] ابتدأى عمارة برج الميمارک بايام الملك العالم العادل
- [2] الموييد المنصور المظفر المجاهد الموابط مغيش اندنيا و الدين
- [3] معز الاسلام والمسلمين قاصع الكفرة و المشركين ملك بلاد
- [4] الروم والارمن ابو الحارث طغرل بن قلع ارسلان بن مسعود بن قلع ارسلان ناصر امير المؤمنين

¹ У М. ван Бершема и в „Répertoire“ — под титлом: *تَع*.

² Конструкция фразы на нижней плите требует перестановки строк в переводе. Такая перестановка будет встречаться и дальше.

[1] الملكى المغيثنى

[2] عامر هذه العمارة

[3] العبد الضعيف استناد الدار لولو

М. ван Бершем и А. Ш. Бейгу читают в начале надписи: ابتداء و عمارة. Ссылаясь на четкость нашей фотографии, можно настаивать на нашем чтении, тем более, что ни одно из начертаний знака و в надписи не похоже на последний знак первого слова. Кроме того, и сама фраза при нашем чтении получает более ясный смысл: не 'начало и построение', а 'начало строительства'. То обстоятельство, что при нашем чтении первое слово приобретает *изафет* и оборот становится персидским, не может служить доводом против этого чтения, так как в следующей надписи мы встретимся с целой персидской фразой.

Перевод

Верхняя плита:

[1] Начало строительства благословенной башни — в дни царя ученого, справедливого,

[2] поддерживаемого свыше, вспомоществуемого свыше на победу, победоносного, борца за веру, охранителя границ, Мугис ад-дунья ва-д-дин,

[3] прославляющего ислам и мусульман, покорителя неверия и многобожников, царя стран

[4] Рума и Армении, Абу-ль-Хариса Тогрула, сына Килич-Арслана, сына Мас'уда, сына Килич-Арслана, пособника эмира правоверных.

Нижняя плита:

[2] Строитель этого строительства, —

[1] слуга аль-Мелика [аль-Муаззама] Мугис ад-дина, —

[3] немошный раб, уstad ад-дар (т. е. управитель двора) Лулу.

Надпись № 1. Дата в надписи № 3735, которая могла считаться до сего времени единственной в надписях Байбуртской цитадели, на самом деле не единична. Она повторяется в еще более подробном виде в одной из неизданных надписей, к сожалению не полностью сохранившейся. Неполностью сохранилась и дата этой надписи, которая тем не менее целиком восстанавливается. Недостающие в ней места могли бы быть восполнены и сами по себе, но при наличии известной уже даты это восполнение производится значительно проще. Надпись, о которой идет речь, помещена близ угла стены, возведенной на скале. Фотография стены (рис. 4) показывает на переднем плане перед нею выступы скалы, стоя на которых можно было бы и прочесть и сфотографировать надпись. Поэтому отсутствие последней в книге А. Ш. Бейгу не может быть объяснено ее труднодоступностью. Однако она наиболее поврежденная из числа сфотографированных И. А. Орбели надписей. Как видно по фотографии (рис. 5), разрушения, которым она подверглась, явились результатом как незаметных сдвигов, происшедших в кладке стены, так и действия атмосферных явлений. Из двух занимаемых ею плит сильнее пострадала верхняя, значительная часть поверхности которой выветрилась. Текст надписи, как и в других случаях, арабский, но дата составлена на персидском языке. Это не согласуется с обычной практикой, так как, напротив,

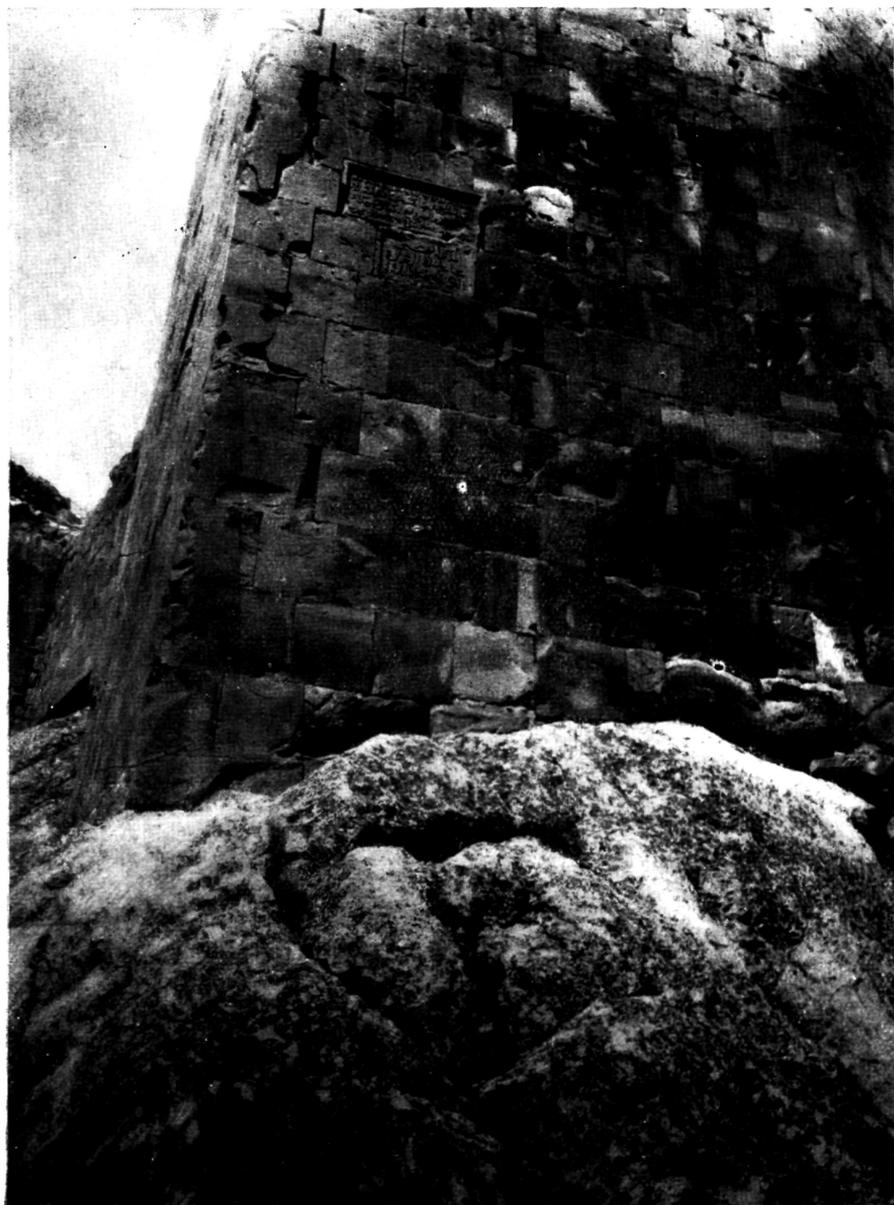

Рис. 1. Один из участков стены цитадели, возведенных на скале.
Угол с надписью № 3737.

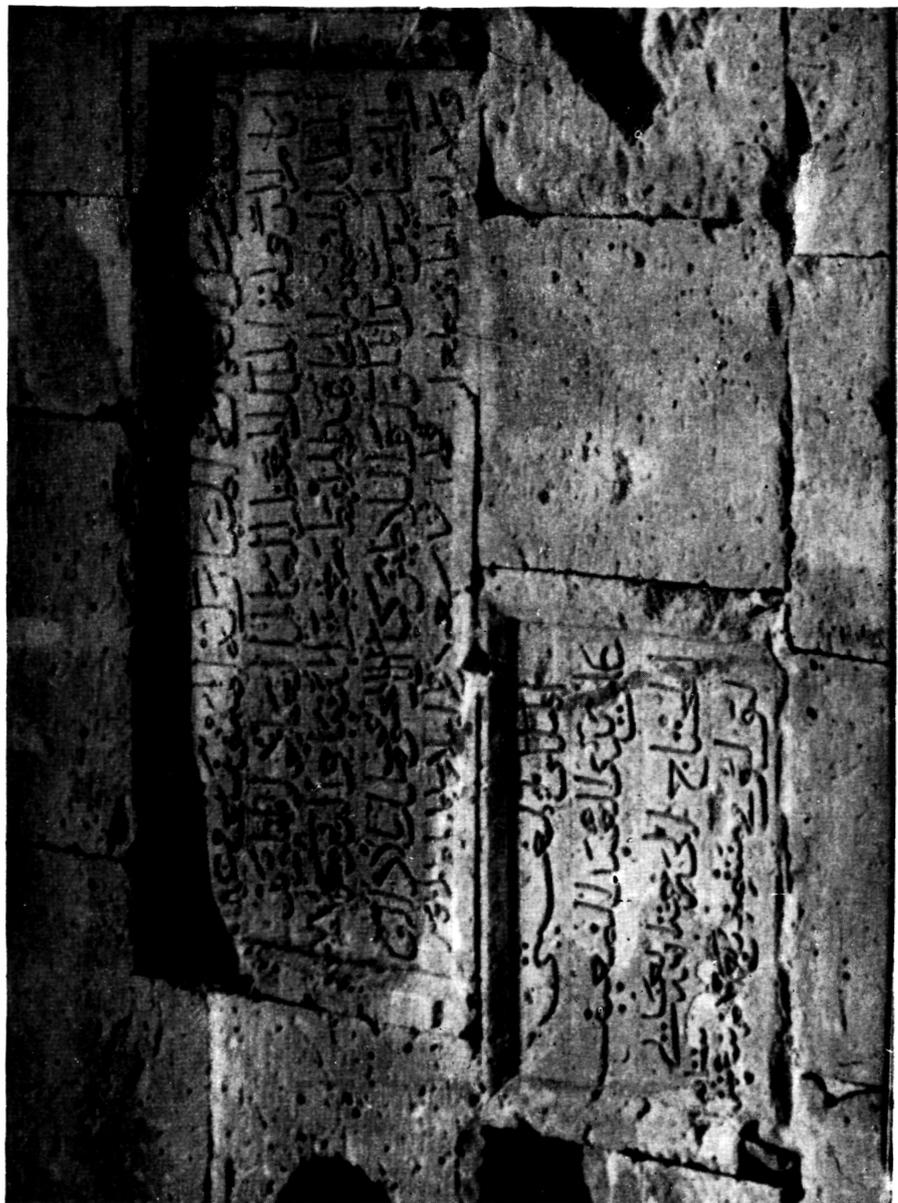

Рис. 2. Надпись № 3735.

Рис. 3. Надпись № 3737.

Рис. 4. Угол башни с надписью № 1.

даже при персидских надписях по преимуществу употреблялась дата на арабском языке. При том же характере письма, который наблюдался в двух предыдущих надписях, настоящая начертанием знаков больше похожа на первую, а постановкою их — на вторую. Насколько можно судить по сохранившейся части надписи, в ней можно усмотреть даже некоторую стройность. Однако неравномерность в размещении текста здесь та же и так же, как в надписи № 3737, окончание его на верхней плите вынесено на нижнее поле. Ниже в чтении надписи восстанавливаются лишь те места, которые могут считаться бесспорными. Тем самым отпадает необходимость приводить по поводу их пояснения. Исключение в этом отношении составляют дата и слово *الاحل* в начале 3-й строки нижней плиты. При чтении этого слова нужно учесть, что, хотя подстрочная часть его последнего знака вследствие поврежденности и не оттенена в достаточной степени на фотографии, тем не менее при внимательном взглядывании она прослеживается без труда.

- [1] عمارة [هذا] البرج المبرك [بايام الدولة ملكن؟]
 [2] العالم انعادل المويد المظفر المنصور المجاهد
 [3] المرباط مغيث الدنيا و الدين [معز الاسلام و المسلمين]
 [4] ابو الحارث طغرل بن قلع ارسلان بن [مسعود بن قلع ارسلان]
 [5] ناصر امير المومنين بتاريخ روز سهشنبه بانژدهم ربيع [الآخر] سنة عشر
 ستمائة

- [1] [1] الملكى المغيثى
 [2] عامر هذه العمارة الامير
 [3] [1] لاجل [1] ضيا الدين استاد الدار لوله

От даты в надписи сохранились: название третьего дня недели, число месяца, которое может быть прочитано и как одиннадцатое и как пятнадцатое, затем окончание названия месяца Раби, но без указания первый он или второй, и, наконец, от года — неполный указатель десятков, который может оказаться и десятью и двадцатью, но которому не предшествуют единицы. Приняв предположительно по близкому сходству знакомую нам дату и убедившись в том, что это действительно был третий день недели, или по нашему вторник, мы легко приходим к заключению, что здесь повторена та же дата и исключается всякая другая, так как повторное сочетание всех перечисленных элементов в календаре невозможно.

Лулу, который в приведенных выше надписях называется только немощным рабом и управителем двора Тогрула, выступает теперь в качестве *الامير الاحل* 'прославленный эмир'. Первый член этого звания *الامير* 'эмир' встречается и в других, еще не рассмотренных нами надписях, в сочетании *الامير صفهسلار* 'эмир-сипахсалар', т. е. 'эмир-военачальник'. Что же касается второго члена — *الاجل* 'прославленный', то из всех доступных нам надписей Байбуртской цитадели он содержится только в рассматриваемой. Этот эпитет, как можно судить по другим надписям того же времени, встречается в титулах великих эмиров (*الامير الكبير*), преимущественно сипахсаларов, т. е. великих эмиров-военачальников в сочетании *الامير الاحل الاسفهسلار الكبير* или в несколько ином порядке тех же слов.¹ Принимая во внимание однотипность рас-

¹ Répertoire, X, №№ 3658, 3703, 3720, 3744, 3775, 3788, 3804, 3825, 3925, 3977, 3981.

пространенных в то время титулов, в силу чего правители мелких областей и их придворные величались немногим скромнее, чем правители и их придворные в больших государственных образованиях, не исключена возможность, что в титуле Лулу, наряду со званиями *الامير الاجل* 'прославленный эмир' и *الامير صفهسلار* 'эмир-сипахсалар' сохранился также эпитет *الكبير* 'великий'. В нашей надписи над словом *الاجل* и над следующим за ним словом *ضيا* видна длинная наклонная черта, достигающая верхним своим концом полосы 2-й строки, и под нею мелкие черточки и точки, в которых, однако, трудно признать слово. Вопрос о последнем оставлен открытым в нашем чтении. Но если бы даже тут имелось слово, то этим могло бы быть разве только 'великий', и то без определенного члена, но уж, во всяком случае, не *صفهسلار* 'сипахсалар'. И в том, и в другом случае, благодаря отсутствию в надписи слова 'сипахсалар', как звание 'прославленный эмир', так и титул Лулу в целом остаются неполными, так как в них не упоминается конкретная должность эмира.

В таком, частью восполненном виде надпись приобретает следующее содержание.

Верхняя плита:

[1] Строительство [этой] благословенной башни — [в дни владычества царя?]

[2] ученого, справедливого, поддерживаемого свыше, победоносного, [вспомоществуемого свыше на победу, борца за веру],

[3] охранителя границ, Мугис ад-дунья ва-д-дин, [прославляющего ислам и мусульман],

[4] Абу-ль Хариса Тогрула, сына Килич-Арслана, сына [Мас'уда, сына Килич-Арслана],

[5] пособника эмира правоверных, в летосчисление третьего дня недели, пятнадцатого Раби [Второго, шестьсот] десятого года.

Нижняя плита:

[2] Строитель этого строительства, —

[1] слуга аль-Мелика [аль-Муаззама] Мугис ад-дина, —

[3] прославленный эмир [1 слово?] Зия-ад-дин, уstad ад-дар Лулу.

Надпись № 2 находится на плите с небольшой, немного выветрившейся полосой в правой части поля и с поврежденной рамкой, верхний край которой наглядно подтверждает, что в этой части отломы происходили под стыками лежащих на них камней (рис. 6). Характер письма тот же, что и в предыдущих надписях, но более близкий к № 3735. При наблюдающейся и в данной надписи неравномерности в насыщенности строк здесь более свободно прослеживается изменяющаяся величина письма, более крупного в двух первых строках и в начале 3-й и постепенно уменьшающегося к концу 4-й строки.

Ниже в тексте, наряду с восполнением частью выветрившихся слов, восстанавливается пропущенный резчиком первый знак в последнем слове 3-й строки.

[1] اتفقنت هذه العمارة المباركة الميمونة في عهد الايام

[2] الدولة الملك المعظم العالم العادل انمويد

[3] انمظفر انم[نص]ور [ال]مجاهد المرابط مغيث الدنيا و الندين معز [ال]اسلام

[4] و المسلمين سيد [ال]مد[و]ك و السلاطين كمال ال سنجوق طغورل بن قلع ارسلان ناصر امير المومنين

Перевод

[1] Это благословенное благополучное строительство совпало с периодом дней

[2] владычества аль-Мелика аль-Муаззама, ученого, справедливого, поддерживаемого свыше,

[3] победоносного, вспомоществуемого свыше на победу, борца за веру, охранителя границ, Мугис ад-дунья ва-д-дин, прославляющего ислам

[4] и мусульман, сейида [царей] и султанов, совершенства рода Сельджука, Тогрула, сына Килич-Арслана, пособника эмира правоверных.

Между этой надписью и надписью № 3736, изданной впервые А. Ш. Бейгу, обнаруживается очень близкое сходство. Если не считать разночтения в первом слове надписи, которое у А. Ш. Бейгу имеет форму اتفق, то в остальном первые две строки надписей в точности совпадают. Подобное же совпадение прослеживается и в 3-й строке, с той оговоркой, что у А. Ш. Бейгу она прочитана неполностью; место, соответствующее эпитетам المرابط المجاهد المنصور, помечено у него точками, отсутствующее же у него слово معزز восстановлено в круглых скобках в последующем издании редактором. Более существенное расхождение обнаруживается в 4-й строке, однако и оно сводится к тому, что у А. Ш. Бейгу строка короче; в ней нет четырех начальных слов — والمسلمين سيد الملوك والسلاطين и трех заключительных слов — ناصر امير المؤمنين нашей надписи.

Не было бы ничего странного в том, если бы на стенах Байбуртской цитадели находились две столь близкие по тексту надписи. Напротив, это было бы в порядке вещей, так как надписи этой цитадели, как указывалось, связаны между собой общим содержанием. Более того, указывалось еще и то, что среди неизданных надписей есть две полностью совпадающие. И тем не менее в данном случае мы не можем ограничиться одним лишь перечислением сходств и расхождений между двумя надписями. Близость между последними сопровождается обстоятельствами, требующими более внимательного их сличения. К сожалению, некритически изданный А. Ш. Бейгу текст не только не способствует этому сличению, но и сам вызывает вопросы, требующие разъяснения. К этим вопросам и следует обратиться прежде всего.

Глагольная форма اتفق, которую читает в начале надписи А. Ш. Бейгу, не согласуется в грамматическом роде с последующим именем действия, что, однако, не оговаривается ни самим А. Ш. Бейгу, ни редактором вторичного издания. Это лишает нас возможности выяснить, кем допущена здесь ошибка: резчиком ли надписи, или А. Ш. Бейгу. Если даже допустить, что ошибся резчик, то ошибка должна была быть либо отмечена, либо исправлена с оговоркой. Иначе мы вправе рассматривать это как вкравшуюся в первое издание и не исправленную во втором опечатку, тем более, что в нашей надписи и надписи № 3735, имеющими такое же начало, употреблена правильная форма глагола اتفقت. При таком грамматически правильном чтении этого слова, между нашей надписью и надписью А. Ш. Бейгу в пределах двух первых строк не остается никаких расхождений.

В 3-й строке, как уже указывалось, на месте не прочитанных у А. Ш. Бейгу и показанных им точками слов, в нашей надписи читаются эпитеты المنصور المجاهد المرابط. Первые два из них находятся

в выветрившейся полосе плиты и частью повреждены. Третий эпитет сохранился хорошо, но может вызвать неуверенность в чтении начертанием своей последней лигатуры. Между тем сличение с остальными имевшимися в распоряжении А. Ш. Бейгу надписями — №№ 3735, 3737 и 3739, показало бы, что других эпитетов на этом месте и не могло быть и что вопрос лишь в порядке их последовательности, в чем эти надписи не сходятся между собой. Тем не менее первая из них сходится в этом отношении с нашей надписью.

Второе расхождение между нашей надписью и надписью А. Ш. Бейгу в 3-й строке относится к ее окончанию. Последнее у А. Ш. Бейгу имеет вид *الاسلام*, в „Répertoire“, с поправкою редактора — *معز الاسلام*, в нашей надписи — *معز الاسلام*[]. Слово *معز*, которое совершенно отчетливо видно на нашей фотографии и которое чисто теоретически и вполне основательно восстанавливает редактор „Répertoire“, может при разглядывании его на расстоянии или при неудовлетворительной фотографии подать повод к неправильному чтению. Оно настолько стеснено между двумя соседними словами, что первый знак его может быть принят за точку расположенного ниже *нуна*, остальное же — за нижнюю часть начального *алифа* следующего слова. Этот алиф, как уже указывалось, отсутствует в надписи и восстановлен в нашем чтении. Таким образом, начертание данного места при недостаточном его различении могло дать повод для чтения А. Ш. Бейгу.

Восстановление, внесенное в надпись редактором „Répertoire“, оказалось неполным. В большинстве надписей Байбуртской цитадели повторяется широко распространенный в царских титулах того времени сложный эпитет *معز الاسلام و المسلمين* 'прославляющий ислам и мусульман', вторая часть которого *و المسلمين*, отсутствующая в надписи А. Ш. Бейгу, находится в начале 4-й строки нашей надписи. В таком неполном виде, каким он оказался у А. Ш. Бейгу, этот эпитет не встречается и не может встретиться, так как он — и формой своего образования, и рифмой — связан с другими, столь же распространенными вообще и, в частности, в надписях Байбуртской цитадели эпитетами. Поэтому, если в надписи, изданной А. Ш. Бейгу, окончание этого эпитета действительно отсутствовало, то либо это должно было быть отмечено, либо отсутствующая часть должна была быть восстановлена с соответствующим объяснением. Поскольку ни того, ни другого нет, начало строки не внушает доверия. В случае же, если бы эпитет был восполнен, начало этой строки совпало бы с началом соответствующей строки нашей надписи.

Вслед за этим эпитетом в нашей надписи следует другой сложный и рифмующийся с ним эпитет *سييد الملوك و السلاطين* 'сейид царей и султанов', также отсутствующий в надписи А. Ш. Бейгу. Нелишнее отметить, что этот эпитет расположен под теми тремя эпитетами 3-й строки, которые остались непрочитанными в надписи А. Ш. Бейгу, и что он также, подобно им, находится в выветрившейся полосе, в результате чего от его среднего слова сохранился различимым только знак *و*.

Если вспомнить, что в надписи А. Ш. Бейгу отсутствует также и завершающий сложный эпитет нашей надписи *ناصر امير المومنين* 'пособник эмира правоверных', то окажется, что при полном совпадении в сличаемых надписях первых трех строк как в смысле состава, так и в смысле расстановки в них слов, резкое расхождение, обнаруживаемое

в 4-й строке, относится не только к составу слов, но и к степени насыщенности ее ими. В нашей надписи эта строка содержит 14 слов и среди них такие длинные, как *المسلمين* и *السلطين*, в надписи же у А. Ш. Бейгу в ней всего 7 слов, и все, как на подбор, короткие.

Выше мы не раз отмечали свойственное надписям Байбуртской цитадели явление, согласно которому слова свободно располагаются в начальных строках плит, в противоположность стеснению их в конечных строках, особенно в последней. Дальше мы убедимся в том, что это явление свойственно всем надписям Байбуртской цитадели, объединяемым тем характером письма, которым начертаны рассмотренные нами надписи и которым не может не быть начертана, по варианту своего текста, надпись, изданная А. Ш. Бейгу. Между тем в ней выявляется совершенно противоположная картина, так как при обычной насыщенности трех первых строк последняя ее строка оказывается наиболее разряженной. Эта картина, возможность существования которой, в виде исключения, быть может и можно было бы допустить, не представляется тем не менее убедительной. Более вероятно, что эта последняя строка воспроизведена не полностью.

На основании изложенных соображений мы приходим к заключению, что текст, изданный А. Ш. Бейгу и повторенный под № 3736 в „Répertoire“, не может рассматриваться как воспроизведение какой-то отсутствующей на наших фотографиях надписи, но что на самом деле он является всего лишь неполным воспроизведением нашей надписи. Иначе придется допустить сосуществование на стенах цитадели двух надписей, в которых совпадают не только текст, его размещение и неразборчивые в нем места, но и повреждения в камнях. Между тем теперь для нас совершенно ясно, что из четырех слов, опущенных А. Ш. Бейгу в 3-й строке, два не прочитаны вследствие недостаточно разборчивого их начертания, другие же два — вследствие повреждения плиты от выветривания. Этой последней причиной, пожалуй, следовало бы объяснить и отсутствие в чтении А. Ш. Бейгу четырех начальных слов последней строки. А. Ш. Бейгу, как указывалось, не оговаривает их отсутствия. Не оговаривает он также отсутствия последних трех слов этой строки. Вопрос об отсутствии этих слов — единственный, для объяснения которого мы не находим оснований в самой надписи. Между тем, достаточно было бы точек в начале и в конце 4-й строки текста А. Ш. Бейгу, чтобы все наши рассуждения оказались излишними и вопрос об единстве двух сличаемых надписей разрешился значительно более просто. Выше, говоря о начале этой строки, мы отмечали необходимость либо восстановления недостающего окончания сложного титульного эпитета, либо замены его точками. Отсутствие как одного, так и другого может быть объяснено только упущением. Поскольку мы отмечали и другие упущения в тексте, изданном А. Ш. Бейгу, мы вправе отнести к их числу также и отсутствие точек, заменяющих последние три слова надписи.

Надпись № 3 расположена на плите с выветрившейся правой стороной поля и почти полностью отвалившимся нижним краем рамки, что делает ее в отношении сохранности довольно близкой к предыдущей плите (рис. 7). Однако в другом отношении рассматриваемая плита не похожа ни на одну из плит с надписями Байбуртской цитадели, которые в своих внешних очертаниях сохраняют правильную прямоугольную форму. Эта же плита при укладке ее в стену была пригнана к неровной линии камней расположенного под ней ряда, для

чего небольшой кусок ее нижнего края у левого угла был подтесан. Не исключена возможность, что это обстоятельство, еще больше ослабившее в данном месте и без того слабую рамку, способствовало отлому всего ее нижнего края.

По характеру письма надпись не отличается от предыдущих, однако по сравнению с ними она более равномерно размещена, и несоразмерности знаков в ней не обнаруживаются. Повреждения, причиненные выветриванием камня, требуют, помимо обычного восполнения пострадавших мест, также восстановления двух неясно различимых слов в начале надписи. В 3-й строке восстанавливается пропущенное слово.

[1] [الملك العالم] العادل الموييد المظفر المنصور المرابط المجاهد

[2] [مغيث الدنيا و الدين] معز الاسلام و المسلمين قاصع الكفرة و المشركين

[3] [سعيد] الملوك و السلاطين [ملك] بلاد الروم و الارمن ابو الحارث

[4] طغرل بن قنچ ارسلان بن مسعود بن قنچ ارسلان بن سليمان ناصر امير المؤمنين

Перевод

[1] [Царь ученый], справедливый, поддерживаемый свыше, победоносный, вспоможествуемый свыше на победу, охранитель границ, борец за веру,

[2] [Мугис ад-дунья ва-д-дин], прославляющий ислам и мусульман, покоритель неверия и многобожников,

[3] [сейид] царей и султанов, [царь] стран Рума и Армении, Абу-ль-Харис

[4] Тогрул, сын Килич-Арслана, сына Мас'уда, сына Килич-Арслана, сына Сулеймана, пособник эмира правоверных.

В отличие от остальных надписей Байбуртской цитадели, сообщающих в той или иной форме о строительстве последней, рассматриваемая надпись состоит из одной лишь титулатуры правителя, без какого-либо упоминания о том, по какому поводу она была вырезана. В таком виде надпись не закончена и вызывает предположение, что она не ограничивалась этим и имела, подобно большинству надписей цитадели, продолжение на второй плите. Камень, на котором в таком случае должна была бы продолжаться надпись, виден на фотографии. Он находится на одной оси с большой плитой и хотя сильно выкрошился как с лицевой стороны, так и с торцов, нетрудно убедиться, что первоначально он примыкал к ней. Этим предположением и ограничивался бы разговор о рассматриваемой надписи, если бы надпись № 3739 не давала основания продолжить его. Это вторая из двух надписей, изданных впервые А. Ш. Бейгу. Она воспроизведена неполностью. От верхней плиты, как сообщает А. Ш. Бейгу, сохранилась только одна строка, от нижней — первые три. Текст ее в „Répertoire“ следующий:

..... (A) الملك العالم العادل الموييد المظفر المنصور المرابط المجاهد

B — الملكى المغيثى

على يد العبد الضعيف

المحتاج الى رحمة الله تع

У А. Ш. Бейгу текст был издан без точек, отмечающих пропуски, и без литер, нумерующих плиты, первая из которых к тому же заключена редактором „Répertoire“ в круглые скобки. Ни А. Ш. Бейгу, ни редактор этого издания не дают понять, какой по порядку они считают

строку, сохранившуюся от верхней плиты. Между тем по другим надписям Байбуртской цитадели легко убедиться в том, что эта строка может быть не иначе как только 1-й или 2-й; 1-й в том случае, если надпись была близка к рассматриваемой нами надписи, 2-й — если она больше приближалась к двум предыдущим. Поэтому хотел ли этого редактор „Répertoire“ или нет, но, предпослав тексту точки, он признал ее за 2-ю строку. Между тем она очень близка к 1-й строке нашей надписи, и расхождения ее с последней не внушают доверия.

Вслед за первым словом الملك 'царь', которое совпадает с нашим восстановлением, А. Ш. Бейгу читает эпитет العامل 'деятельный', что вызывает решительное возражение. Этот эпитет, довольно часто встречающийся в царских титулах более позднего времени, особенно в титулах мамлюкских султанов Египта и их наместников в Сирии, не встречается в царских титулах рассматриваемого времени и, согласно X тому „Répertoire“, за всю первую четверть VII в. хиджры (1203—1229 н. э.) зафиксирован единственный раз в надписи на могильной плите одного шейха в Конии (№ 3871). Не содержится он и в других надписях Байбуртской цитадели. Поэтому лишено было бы всякого основания предположение, что этот эпитет мог появиться совершенно независимо в сплошь заимствованной титулатуре одного из второстепенных сельджукских правителей, при этом в одной из нескольких одновременных надписей, задолго до своего распространения в иных условиях, в наиболее передовых тогда странах Переднего Востока. Напротив того, имеется достаточно оснований считать чтение العامل неправильным. Что же могло быть на месте этого слова?

В рассмотренных выше надписях № 3735 и № 2 титулатура правителя начинается с его царского звания — аль-Мелик аль-Муаззам (в переводе 'царь великий'), за которым следуют обычные эпитеты с начальными العادل 'ученый, справедливый' во главе. Однако в надписи № 3737 царское звание правителя опущено и эти эпитеты следуют непосредственно за словом الملك 'царь'. Повидимому, такой же порядок слов существовал и во вновь изданной выше надписи № 1. Расчет места показывает, что слово المعظم 'великий', образующее звание правителя, едва ли могло уместиться с другими, обязательными по контексту словами в выветрившейся части 1-й строки этой надписи. Поэтому отсутствие в надписи № 3737 звания правителя не должно рассматриваться как исключение, в связи с чем и в строке у А. Ш. Бейгу не следует искать непременно полного варианта начала титула.

Этот полный вариант и не может быть в данном случае получен, так как даже если заменить оспариваемое العامل словом المعظم, то все равно, согласно чтению А. Ш. Бейгу, титул остается без второго эпитета — العادل. Но, помимо этого, и сама эта замена не была бы убедительной, поскольку трудно представить, чтобы ошибочно принятым за العامل могло быть المعظم, а не другое слово, более близкое к первому по своему начертанию. Такое слово оказывается на месте, если здесь предположить сокращенный вариант титула, без звания правителя. Однако и при этом варианте, следуя чтению А. Ш. Бейгу, приходится допустить, что первые два эпитета в надписи переставлены и что ошибочно прочитанным оказывается отсутствующий в чтении А. Ш. Бейгу второй эпитет — العادل 'справедливый', а не первый — العالم 'ученый', который имеется в чтении А. Ш. Бейгу и следует за оспариваемым словом. Между тем осмотр фотографий разобранных выше надписей не оставляет сомнений в том, что насколько при данном характере письма вероятно, чтобы принятым за

العامل был эпитет العالم, настолько мало вероятно, чтобы принятым за то же слово мог оказаться эпитет العادل. Таким образом, ни полный вариант начала титула правителя, ни его сокращенный вариант не могут быть восстановлены, если придерживаться порядка слов в чтении А. Ш. Бейгу. Каков же этот порядок в других надписях?

Как будет видно из дальнейшего, не во всех надписях Байбуртской цитадели титул правителя содержит обычные для царских титулов того времени простые эпитеты. В трех надписях, составляющих в этом отношении особую группу, последние вовсе отсутствуют. Но во всех остальных надписях, которые выше рассмотрены и которые объединяются общим характером письма, все эти эпитеты неизменно содержатся.

Как известно, традиция, выработавшая определенный набор этих общеупотребительных эпитетов, выработала также определенный порядок их последовательности. Если этот порядок не всегда и не полностью соблюдался, то, во всяком случае, для начальных эпитетов он редко нарушался. Это общее явление наблюдается и в надписях Байбуртской цитадели. В них обнаруживается два случая нарушения этого порядка, причем в обоих случаях оказываются взаимно переставленными два соседних эпитета. Однако в пределах первых четырех эпитетов, следующих за словом الملك 'царь', этот порядок ни разу не нарушен. Чтение А. Ш. Бейгу, в котором, наряду с неупотребительным в то время в царских титулах словом العامل 'деятельный', содержится единственно могущий быть принятым за это слово эпитет العالم 'ученый', является, таким образом, совершенно исключительным отклонением от нормы, вызывающим основательные сомнения. Представляется более вероятным, что начало титула получило такой неправдоподобный вид вследствие ошибки, допущенной либо при чтении строки, либо при ее воспроизведении, либо, наконец, при том и при другом, и что на самом деле это начало имело обычный вид краткого варианта, т. е. ... الملك العالم العادل 'царь ученый, справедливый...'. С таким началом изданная у А. Ш. Бейгу строка в точности совпадает с первой строкой нашей надписи. При этом обнаружатся следующие обстоятельства: 1) недостаточно ясно различимому на нашей фотографии началу надписи соответствует в исправленном виде ошибочно прочитанное и ошибочно воспроизведенное начало у А. Ш. Бейгу; 2) порядок последовательности титулов المرابط المجاهد 'охранитель границ, борец за веру', являющийся отклонением от нормы, имеется как в нашей надписи, так и в строке у А. Ш. Бейгу. Между тем такие нарушения носят индивидуальный характер. Второе подобное же нарушение с перестановкой двух других эпитетов наблюдается в надписи № 3737, очень близкой к нашей надписи и содержащей такое же начало титула, какое содержит и она. Поскольку при наличии таких совпадений, как приведенные, элемент случайности вовсе исключается, мы вправе прийти к заключению, что изданная у А. Ш. Бейгу строка не только может оказаться, подобно 1-й строке нашей надписи, начальной, но, более того, она может оказаться этой же 1-й строкой нашей надписи.

Есть еще одно обстоятельство, которое может косвенным образом свидетельствовать в пользу последнего предположения. Как видно по фотографиям, из всех надписей Байбуртской цитадели под непосредственной угрозой находилась одна лишь рассматриваемая. Все остальные продолжали плотно сидеть в своих гнездах и были защищены надежно сохранившейся кладкой окружающих их камней облицовки. При таких условиях, близко подошедшие к надписям № 3735 и № 2

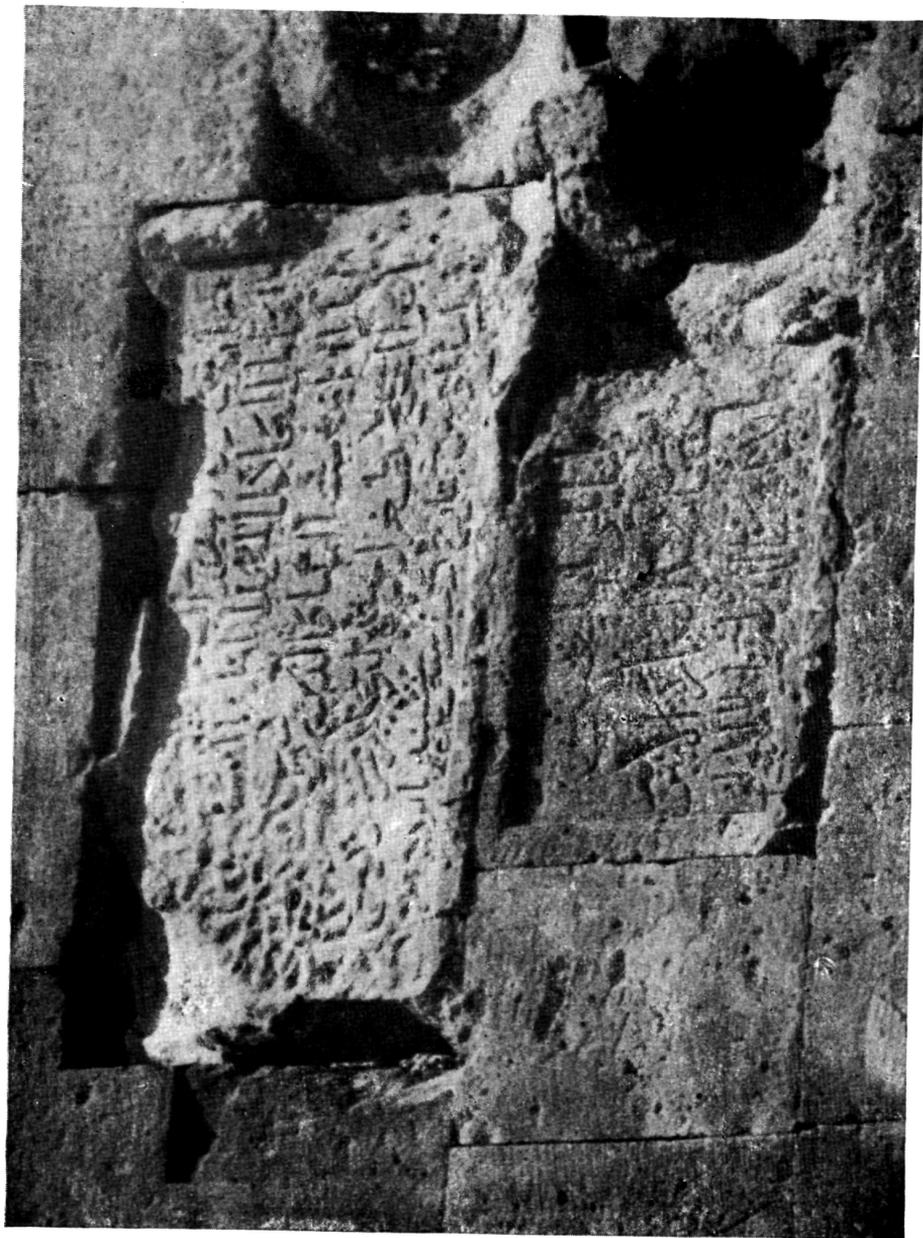

Рис. 5. Надпись № 1.

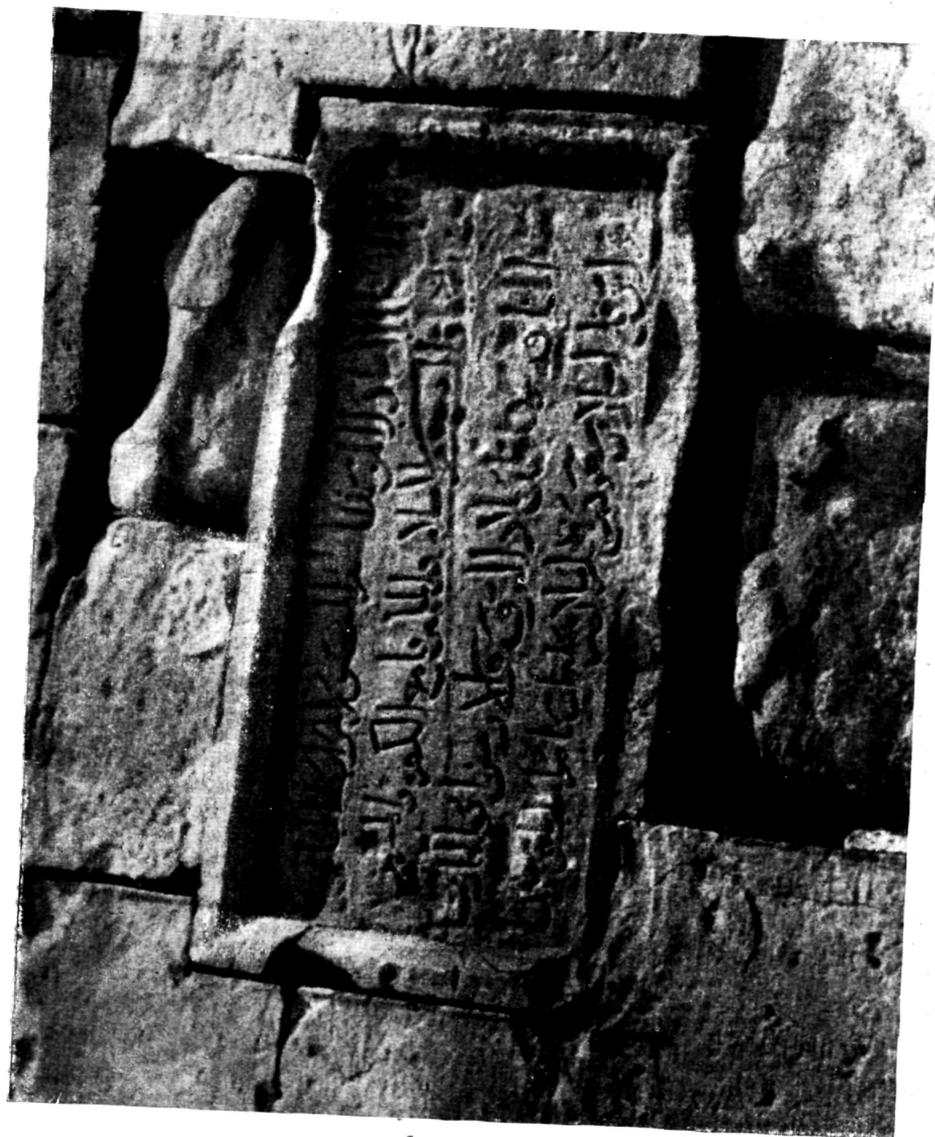

Рис. 7. Надпись № 3.

Рис. 8. Часть башни с надписью № 3.

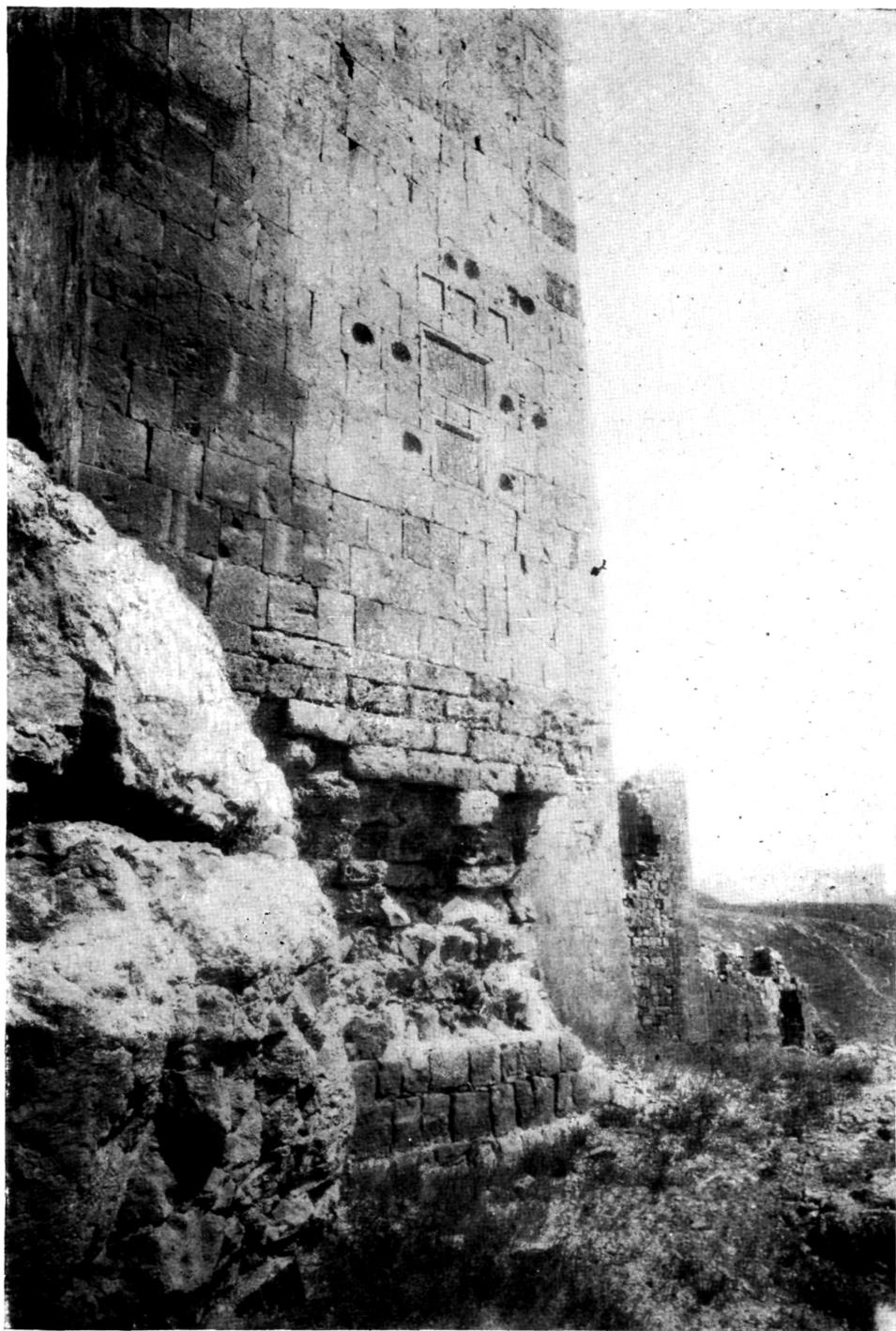

Рис. 9. Угол стены или башни с надписью № 4.

Рис. 10. Угол башни с надписью № 5.

Рис. 11. Надпись № 4

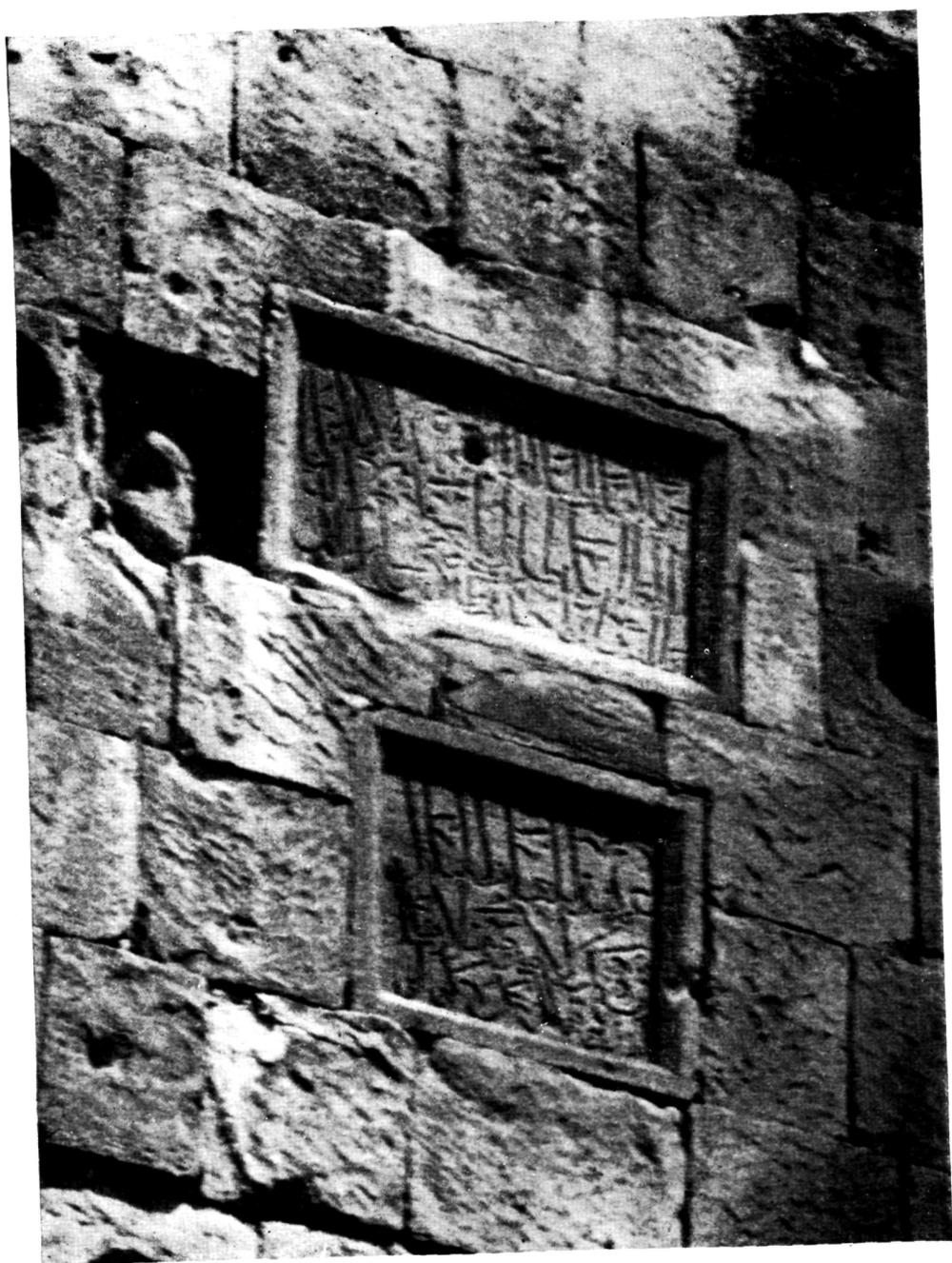

Рис. 12. Надпись № 5.

разрушения не могли составить для них прямой угрозы. Не была подвержена последней также и надпись № 1, обе плиты которой, в отличие от других, были сильно повреждены. Если бы даже примыкающие к ним справа поврежденные два камня с круглыми гнездами для фаянсовых сосудов и подверглись большому разрушению, то это не вызвало бы выпадения плит, так как окружающая их кладка сохранилась хорошо (см. рис. 4). Не так обстояло дело с рассматриваемой надписью. Как видно на рис. 8, надпись помещалась на выступающей грани угловой башни, нижние ряды облицовки которой почти полностью отвалились. Сохранившиеся же верхние ряды состоят большей частью из выветрившихся камней, швы между которыми разошлись и связь между которыми нарушилась. При отсутствии поддержки снизу обвал этих камней мог произойти сравнительно легко. Также легко вместе с камнями облицовки могла свалиться и плита с надписью, которая левым своим концом еще держалась в кладке, правым же только опиралась на невидимый на фотографии и скрытый в глубине шва верхний край расположенного под ней выветрившегося камня. Таким образом, с 1-й строкой наиболее подверженной разрушению надписи оказывается сходной единственно изданная у А. Ш. Бейгу сохранившаяся строка разрушившейся надписи. Это обстоятельство также должно служить доводом в пользу того, что строка А. Ш. Бейгу является, повидимому, 1-й строкой нашей надписи.

У А. Ш. Бейгу строка сопровождается надписью на нижней плите. Если это, с одной стороны, подтверждает высказанное выше предположение о том, что надпись, к которой мы эту строку относим, не ограничивалась одной плитой и имела продолжение на второй, то, с другой стороны, возбуждает вопрос о том, каким образом надпись на нижней плите, появившаяся в печати в 1936 г., отсутствует на фотографии 1911 г., где на ее месте имеется со всех видимых сторон выкрошившийся камень без каких-либо следов прежней надписи.

Основанием для нашего предположения о том, что надпись не ограничивалась верхней плитой, служит то обстоятельство, что в таком виде она остается незаконченной. Если наши рассуждения относительно того, что изданная у А. Ш. Бейгу строка является 1-й строкой нашей надписи, справедливы, то сопровождающая эту строку надпись на второй плите могла бы лишь дополнить ее, но ни в коем случае не закончить. Эта сама по себе неполная надпись нижней плиты в точности повторяет текст первых трех строк второй плиты надписи № 3735, которая имеет еще завершающую 4-ю строку. Последняя содержит только имя и дату и по конструкции первых трех строк иных данных и не может содержать. Перевод первых трех строк следующий:

- [2] при посредстве немощного раба,
- [3] нуждающегося в милости Аллаха,
- [1] слуги аль-Мелика [аль-Муаззама] Мугис ад-дина...

Приставив эти строки к четырем строкам нашей надписи, мы будем продолжать оставаться в неведении относительно того события, ради сообщения о котором была составлена надпись. Поэтому только в результате какого-нибудь недоразумения могли бы оказаться эти плиты одна над другой на стене цитадели. Наша надпись несомненно должна была иметь продолжение на второй плите, но это продолжение должно было быть другим, которое, судя по состоянию камня под нашей плитой, давно уже исчезло.

Сомнения, внушаемые нам приведенным у А. Ш. Бейгу текстом трех строк нижней плиты, определяются не только несоответствием его тексту нашей надписи. Сомнительным является также и то, что этот текст, с одной стороны, не зафиксирован ни на одной из наших фотографий, а с другой, что, будучи явно второй частью надписи, он не может быть приставленным ни к одной из надписей цитадели, не имеющих этой второй части. И поскольку он представляет точное повторение первых трех строк нижней плиты надписи № 3735, нам остается предположить, что он и на самом деле является всего лишь повторением этих строк, ошибочно принятым за неполную копию якобы другого, в точности совпадающего текста.

Эти три строки нижней плиты могли бы приобрести убедительность в том случае, если бы имелось основание рассматривать предшествующую им строку верхней плиты не как начальную, а как вторую. Между тем приведенные выше соображения с большей убедительностью склоняют к противоположному заключению. Есть, конечно, еще одна возможность. Можно предположить, что вопреки нашей попытке показать, будто в части верхней плиты надпись № 3739 является неполным воспроизведением нашей надписи, на самом деле в целом она представляет очень близкую к последней, но отдельную надпись. Если стать на такую точку зрения, то с наименьшим основанием можно допустить, что сличенные выше и признанные нами за одно единое надписи №№ 2 и 3736 также являются только лишь очень близкими между собой, но на самом деле разными надписями. Однако в таком случае придется признать, что ни одна из сфотографированных в 1911 г. И. А. Орбели и ранее не опубликованных надписей не вошла в изданный в 1936 г. труд А. Ш. Бейгу и что, напротив, впервые опубликованные в этом труде две надписи оказались именно теми, которые по странному совпадению оказались не сфотографированными И. А. Орбели. Признать это придется при всем том, что, как выше было установлено, обе эти впервые опубликованные А. Ш. Бейгу надписи, исключая сомнительную для нас нижнюю плиту второй из них, обнаружили крайнее сходство с двумя сфотографированными И. А. Орбели надписями, выразившееся не только в тексте, но и в поврежденных в камне местах. Думается, что изложенный выше ход рассуждений привел нас к более приемлемому и более убедительному заключению о том, какие именно две надписи Байбургской цитадели оказались впервые изданными в книге А. Ш. Бейгу.

Надписи №№ 4 и 5. С двумя оставшимися фотографиями мы оказываемся в районе цитадели, обращенном, повидимому, в сторону от города (рис. 9 и 10). Отдаленность этого района и послужила, вероятно, причиной того, что ни К. Ф. Леманн-Хаупт, не интересовавшийся средневековыми памятниками, ни тем более Леопольд Фавре, не имевший вообще археологических интересов, не добрались до находящихся здесь надписей. Поскольку нет никаких оснований отнести последние к числу труднодоступных и поскольку не оказалась труднодоступной также отсутствующая у А. Ш. Бейгу надпись № 1, возникает два недоуменных вопроса: 1) как мог А. Ш. Бейгу упустить из виду этот район с его надписями и 2) какие другие надписи мог иметь в виду А. Ш. Бейгу, говоря об их труднодоступности? Прослеживаемые на обеих фотографиях сходные черты свидетельствуют о том, что обе надписи находятся в одном и том же строительном участке цитадели, значительно отличающемся от тех, в которых расположены рассмотренные уже надписи. Здесь прежде всего обращают на себя вни-

мание способ обработки облицовочных камней кладки и вид последней. Во всех предшествующих случаях можно было наблюдать тщательную отеску камней и очень тесную пригонку их друг к другу. Здесь же отеска камней неровная, с крупными грубыми рубцами, лежащими в разных направлениях, чаще всего под углом, приближающимся к прямому, образуя подобие рисунка „елочек“. Между камнями в кладке значительные зазоры, объясняемые, повидимому, столь же нетщательной отеской камней с торцов. Отличия наблюдаются также и в гнездах для цветных керамических вставок. Здесь они встречаются только по одному в камне, последние же расположены горизонтальными рядами. Таким образом, здесь не получается, как наблюдалось выше, треугольных фигур. Квадратные же гнезда, которые встречались поставленными на угол, здесь стоят на ребре. Отличаются от рассмотренных, наконец, и сами надписи (рис. 11 и 12) прежде всего размерами и формой своих плит и их расстановкой; верхние плиты значительно короче предыдущих верхних плит, нижние же почти квадратные и отстоят от верхних на половину высоты облицовочных камней стены. Расстановка их в обоих случаях одна и та же; правый край нижней плиты чуть отодвинут от соответствующего края верхней плиты к середине. В отличие от простого и безыскусного письма предыдущих надписей здесь надписи исполнены вышколенным, выработавшимся в выдержанный эпиграфический стиль письмом, характеризующимся округлыми очертаниями знаков, в большинстве своем пунктированных, и довольно частыми огласовками. Последние, как правило, имеют вид *фатхи*, поддерживаемой „птичкой“, но над именем Лулу имеют вид *даммы*. Говорить о несоразмерности знаков или о неравномерном заполнении строк здесь не приходится. Но все же следует отметить, что в отличие от рассмотренных надписей с их характером письма, здесь, пожалуй, первая строка насыщена более, чем последняя. Письмо крупное, и при достаточной высоте плит на каждой из них уместилось всего лишь по три строки.

Надписи настолько похожи одна на другую, что не остается сомнения в том, что они исполнены одной и той же рукой. Одна из них (№ 4) видна на фотографии совершенно отчетливо, другая (№ 5) оказалась не в фокусе и разбирается с трудом. Однако тщательное рассмотрение приводит к заключению, что у них общий текст и настолько сходное воспроизведение, что между ними обнаруживается лишь одно незначительное расхождение, ниже отмечаемое. В надписях совпадает даже такой необычный перенос из строки имени, как *ضيا الدين*. При такой повторности представилось достаточным ограничиться приведением текста одной лишь надписи № 4, тем более, что на рис. 11 и 12 воспроизводятся фотографии обеих надписей, сличение которых способствует более точному установлению чтения двух соседних слов *المعظم* и *مغيث* во 2-й строке верхних плит.

[1] هذه العمارة المباركة الميمونة فى عهد الايام

[2] الدولة السلطان المعظم مغيث الدنيا و

[3] الدين ابو الحارث طغرل بن قلع ارسلان

[1] عمر هذه العمارة المباركة

[2] فى يد الامير صفهسلار ضيا ا

[3] لدين كوتوال بك لولو

Союз *و*, завершающий на верхней плите 2-ю строку, находится в надписи № 5 в начале 3-й строки.

Перевод

Верхняя плита:

- [1] Это благословенное благополучное строительство — в период дней
 [2] владычества великого султана Мугис-ад-дунья
 [3] ва-д-дин, Абу-ль Хариса Тогрула, сына Килич-Арслана.

Нижняя плита:

- [1] Осуществлено это благословенное строительство
 [2] при посредстве эмира-сипахсалара Зия-
 [3] ад-дина кутвал-бека Лулу.

Выше упоминалось о трех надписях, в которых титул правителя не имеет начальных простых эпитетов и которые по этому признаку были выделены в особую группу. Подразумевались при этом рассматриваемые две надписи и не привлеченная еще нами надпись № 3738. За отсутствием у нас фотографии последней судить о ней приходится по существующим изданиям, в которых она выглядит по-разному. Опубликовавший ее впервые, на основании единственной фотографии Леопольда Фавре, М. ван Бершем сообщает о ней следующее: занимаемые ею плиты расположены по одной оси и верхняя, содержащая 4 строки, вдвое больше нижней, содержащей 3 строки; исполнена надпись тщательно выведенным письмом такого же характера, как в надписях №№ 3735 и 3737, с более крупными выделяющимися знаками, помеченными отдельными точками и огласовками. Сетует М. ван Бершем на трудность чтения, проистекающую как от слишком мелкого масштаба надписи на фотографии, так и вследствие выветренности плит.

Таким образом, надпись № 3738 ни соотношением своих плит как в отношении размера их, так и расположения, ни характером письма не похожа на надписи №№ 4 и 5 и похожа в последнем отношении на надписи рассматриваемой выше группы, от которых ее отличает тщательность исполнения. Не так просто решается вопрос о тексте этой надписи. М. ван Бершем читал ее с большой осторожностью, пропуская неясные места и восстанавливая некоторые слова под вопросительным знаком. Ни 4-я строка верхней плиты, ни 3-я строка нижней им не воспроизведены, первая — потому что не читается, вторая — потому что большей частью выветрилась. А. Ш. Бейгу действует более решительно, воспроизводит надпись в более полном виде и даже восстанавливает начальные два слова 3-й строки нижней плиты. Редактор „Répertoire“, как указывалось выше, свел оба чтения воедино, отдавая совершенно основательно предпочтение первому из них, так как в чтении А. Ш. Бейгу не все в достаточной степени убедительно. В этом последнем издании надпись приобрела следующий вид:

- [1] — A — هذه العمارة فى عهد دولت السلطان المعظم
 [2] شهنشاه الاعظم مغيث الدنيا و الدين معز الاسلام و المسلمين ابو الحارث (?)
 [3] طغرل شاه بن قلق ارسلان بن مسعود ناصر امير المؤمنين [два слова]
 [4]

- [1] — B — على يد الامير سيهسالار العادل
 [2] ضيا الدين لولو
 [3] معمار الامير.

Перевод

Верхняя плита:

- [1] Это строительство — в период владычества великого султана,
 [2] величайшего шахиншаха Мугис-ад-дунья ва-д-дин, прославляющего ислам и мусульман, Абу-ль-Хариса (?)
 [3] Тогрул-шаха, сына Килич-Арслана, сына Мас'уда, пособника эмира правоверных
 [4]

Нижняя плита:

- [1] При посредстве эмира-сипахсалара справедливого
 [2] Зия-ад-дина Лулу,
 [3] строителя эмира . . .

Несмотря на специально подчеркнутую М. ван Бершемом тщательность исполнения надписи, в ней нашло место свойственное для данного характера письма неравномерное размещение слов, вследствие чего первая строка оказалась более разряженной, чем последующие, постепенно все более и более насыщенные. Поскольку в большинстве надписей цитадели верхняя плита оканчивается сложным эпитетом *ناصر امير المومنين* 'пособник эмира правоверных', на котором обрывается чтение текста на верхней плите данной надписи, а составляющая в этом отношении единственное исключение надпись № 1 имеет продолжение в виде даты, то есть достаточно оснований предполагать такое же окончание и здесь. По отдельным строкам надписи можно высказать следующие замечания.

Верхняя плита. М. ван Бершем, не прочитавший начала надписи, отмечает, что им опущено два или три слова в начале 1-й строки и одно в конце ее. Таким образом, хотя восстановленные А. Ш. Бейгу начальные два слова и согласуются с начальными словами надписей №№ 4 и 5, тем не менее не исключается возможность, что восстановление это не полное и что тут недостает либо глагольной формы *اتفقت* 'совпало', как в надписях №№ 3735 и 2, либо причастной формы *المباركة* 'благословенное', как в надписях №№ 4 и 5. Если это остается под вопросом, то едва ли может быть подвергнуто сомнению то, что в конце 1-й строки, вслед за словом *المعظم*, имелось еще одно слово. Между тем А. Ш. Бейгу последнего не восстанавливает и не отмечает. В то же время в начале 2-й строки он восстанавливает два слова *شهنشاه اعظم* (в „Répertoire“ исправлено на *شهنشاه الاعظم*) 'величайший шахиншах', хотя М. ван Бершем усмотрел тут отсутствие лишь одного слова. Было бы более убедительным, если бы первое из этих слов было восстановлено в конце 1-й строки, а второе — в начале 2-й. В связи с восстановлением в чтении А. Ш. Бейгу не прочитанного М. ван Бершемом второго слова 3-й строки, имя правителя обнаруживается в форме *طغرل شاه* — Тогрул-шах, в какой-то оно в других прижизненных надписях не встречается. Последние два слова 3-й строки, так же как и выветрившаяся 4-я строка, остались непрочитанными у А. Ш. Бейгу, который, как и в других указанных случаях, не счел нужным оговорить это.

Нижняя плита. М. ван Бершем прочитал начало *على يد*, отметил за ним три неразборчивых слова и поставил в конце 1-й строки под вопросом *الحاكم*. А. Ш. Бейгу восполнил пропуск словами *الامير سببسالار*, но заменил последнее слово строки словом *العادل*. Расхождение между восполнением А. Ш. Бейгу и количеством слов, опущенных М. ван Бер-

шемом, возможно, быть может, объяснить тем, что второе из восстановленных слов своим размером и своим начертанием могло быть при неразборчивости принято за два слова. Что касается завершающего слова строки, то сомнение М. ван Бершема в чтении *الحاكم* вполне законно, по поводу же прочитанного А. Ш. Бейгу *العادل* 'справедливый' следует заметить, что, хотя этот эпитет и встречается изредка в титулах великих эмиров-сипахсаларов, о которых говорилось выше,¹ все же было бы неосновательным не считаться с опытным глазом и осторожностью в чтении М. ван Бершема. В надписи № 1 при слове *الامير* 'эмир' мы встретились с эпитетом *الاجل* 'прославленный'. Начертание этого эпитета с расположенными над ним чертами, от признания в которых отдельного слова мы воздержались, могло бы при неясном различении дать повод для чтения *الحاكم* (см. рис. 5). Поэтому не исключена возможность, что в надписи № 3738 повторяется тот же эпитет *الاجل* в сходном начертании, что подтверждалось бы близостью письма, которыми исполнены эти надписи. Нахождение эпитета *الاجل* после слова *سپهسالار* 'сипахсалар', как воспроизводит его А. Ш. Бейгу, а не после слова *الامير* 'эмир', как в надписи № 1, более естественно, так как при конструкции *الامير الاجل سپهسالار* следовало бы ожидать еще одного эпитета, для чего надписи не дает основания. Если передача слова *سپهسالار* 'сипахсалар' у А. Ш. Бейгу правильна, то это редкий случай такого написания. В подавляющем большинстве надписей, современных надписям Байбуртской цитадели, это слово пишется не через *پ* или *ب*, а через *ف*, как в наших надписях №№ 4 и 5, что же касается первого *алифа*, то он встречается единственный раз в надписи „Répertoire“ № 3703.

Вторая строка в последнем издании надписи сведена не полностью. М. ван Бершем прочитал начальное *ضيا الدين*, отметив за ним три неразборчивых слова. А. Ш. Бейгу восполнил недостающее, заключив в прямые скобки явно сомнительную часть своего чтения, в результате чего у него получилось *لولو* [كوتوالدين]. Располагая теперь надписями №№ 4 и 5, мы можем без колебаний утверждать, что здесь повторяется употребленная в них форма и что строка в целом должна читаться: *ضيا الدين كوتوال بك لولو* 'Зия ад-дин кутвал-бек Лулу'.

Восстановленные в чтении А. Ш. Бейгу в начале 3-й строки два слова приходится принимать с большой осторожностью. Вполне возможно, что упомянутый в надписи Зия ад-дин Лулу, пользуясь другими придворными званиями и должностями, мог называться также *معمار* 'строитель', 'архитектор'. Достаточным основанием для этого может служить хотя бы то, что, как видно по надписям, он являлся фактическим руководителем постройки цитадели. Пожалуй, в этой роли он больше был известен работавшим на этом строительстве ремесленникам, чем в роли управляющего двором или военачальника. Однако все же было бы непонятным, почему Лулу, судя по чтению А. Ш. Бейгу, должен был носить это звание не при особе своего правителя, а при особе остающегося неизвестным для нас эмира, особенно принимая во внимание то, что словом эмир в надписях Байбуртской цитадели называются либо халиф, либо сам же Зия ад-дин Лулу, последний, в частности, и в данной надписи, двумя строками выше.

В рассмотренных нами последних трех надписях к известным уже званиям Лулу прибавилось еще одно — *كوتوال بك* 'кутвал-бек', т. е.

¹ Répertoire, X, №№ 3703 и 3775.

‘главный кутвал’. Слово кутвал, сохранившееся и по сей день в Индии в значении сельского старосты, имело в течение своего существования, в зависимости от времени и места своего употребления, разные значения, начиная от привратника замка и кончая градоправителем. В применении к Лулу, в сочетании со словом بك ‘бек’, т. е. ‘глава’ или ‘начальник’, оно должно означать звание администратора двора. Нам известно другое близкое по значению звание Лулу — استاد الدار ‘устан ад-дар’, т. е. ‘управитель двора’. Поскольку, сверх того, мы встретились с употреблением либо первого, либо второго из них, мы вправе рассматривать их в данном случае равнозначными.

Этим заканчивается рассмотрение доступных нам надписей Байбуртской цитадели, и вопрос о том, исчерпаны ли нами все ее сохранявшиеся до 1911 г. надписи, остается открытым в той мере, в какой заслуживают доверия сведения о труднодоступных надписях, сообщаемые А. Ш. Бейгу. Что же касается издания им надписей в целом, то к тому, что было отмечено, можно прибавить следующее.

В установлении текста надписи № 3737 А. Ш. Бейгу не расходится с М. ван Бершемом, читая вслед за ним неточно первое слово надписи и не заключая, подобно ему, в восстановительные скобки два слова, которые, как показывает наша фотография, были повреждены к 1911 г. образовавшейся на поверхности плиты выщербиной. В статье М. ван Бершема фотография этой надписи не воспроизведена. Тем не менее, зная исключительную пунктуальность М. ван Бершема в опубликовании текстов, мы вправе заключить, что в то время, когда была сделана фотография, которой он пользовался, этого повреждения на плите еще не было.

Из этого обстоятельства мы вправе вывести заключение, что статья М. ван Бершема не была неизвестна А. Ш. Бейгу. Поэтому отсутствие в книге последнего ссылок на нее не представляется заслуживающим доверия. Что же касается отсутствия в этой книге фотографического воспроизведения изданных в ней надписей Байбуртской цитадели, то высказанное по этому поводу в начале настоящей статьи сожаление было бы справедливее обратить теперь в упрек.

Подводя итог текстологическому разбору привлеченных выше надписей, мы приходим к следующему заключению.

Надпись № 3735, как правильно изданная, не требует пересмотра.

Надпись № 3736, представляющая неточное и неполное воспроизведение нашей надписи № 2, должна быть заменена последней.

В надписи № 3737 требуется исправить чтение двух первых слов.

В надписи № 3738 требуется восполнить чтение второй строки нижней плиты.

Надпись № 3739, представляющая первую строку нашей надписи № 3 и три строки нижней плиты, существование которой вызывает основательные сомнения, должна быть заменена нашей надписью № 3.

Наши надписи №№ 1, 4 и 5 публикуются впервые.

Таким образом, с непривлеченной нами надписью № 3993 общее число известных теперь надписей Байбуртской цитадели достигает десяти.

При всей бедности содержания рассмотренных нами надписей из них можно извлечь некоторые выводы.

Выше уже говорилось, что дата надписи № 3735 была совершенно основательно распространена на остальные известные надписи цитадели,

исключая не относящуюся к ним надпись № 3993. Основательность этого распространения находит подтверждение в дате надписи № 1, и к этой же дате мы вправе отнести и остальные вновь изданные, но не датированные надписи. Мы вправе также предполагать, что в выветрившейся части надписи № 3738 содержалась та же дата, которая была столь же подробной, судя по тому, что она занимала окончание 4-й строки и всю 5-ю. Подробность даты указывает на то, что она относится не к окончанию работ и не к какому-то их этапу, а к их началу. Об этом можно судить и по положению надписей на стене, находящихся на средней ее высоте. Но если бы даже по этому поводу могли возникнуть сомнения, то начало надписи № 3737 — ابتداءى عمارة — 'начало строительства', как мы читаем его в отличие от М. ван Бершема и А. Ш. Бейгу, указывает именно на начало работ. То обстоятельство, что в этой надписи говорится не о строительстве вообще, а о строительстве башни, не меняет дела, так как о строительстве башни говорится и в датированной надписи № 1. Наконец, о том, что дата относится к началу работ, можно судить и по размерам цитадели. Как сообщает в своем докладе И. А. Орбели, внутренний периметр цитадели равняется приблизительно 910 метрам. Не трудно представить, что строительство цитадели могло быть начато одновременно в разных местах, но окончено быть одновременно во всех местах оно не могло. Расположение надписей в разных местах цитадели, а не только на ее более „парадной“ части, обращенной в сторону нынешнего города, подтверждает, что строительство шло одновременно на разных участках стены.

Строительство такой цитадели не могло не потребовать значительного количества ремесленников, которые должны были быть привлечены из разных мест. На последнее обстоятельство указывают два разных способа обработки камня и укладки стен, которые удалось проследить выше. Однако то же заключение можно извлечь и из самих надписей.

Надписи составлены разными людьми, которые по-разному сообщают о строительстве цитадели или отдельных ее башен, по-разному величают правителя и его придворного и обнаруживают разную степень знакомства с арабским языком. Строй арабской фразы сохранен только в надписях №№ 3735 и 2, начинающихся с глагола, что наблюдается также и в повторяющих одна другую надписях №№ 4 и 5, но только во второй их части, на нижних плитах. Во всех остальных надписях глагол вовсе отсутствует, что и вызвало необходимость, для сохранения этой детали в переводе, прибегать к помощи *тире*. Встречаются в надписях и пропуски, которые могли произойти не только при нанесении текста на плиту, как в случае со словом ملك в 3-й строке надписи № 3, но и при составлении его, как в случае с указательным местоимением هذا перед словом برج в 1-й строке надписи № 3737.

На прослеживаемой в надписях пестроте в титуловании Тогрула мы уже останавливались. К сказанному можно прибавить, что, хотя по количеству содержащихся в них эпитетов Тогрула надписи № 3737, №№ 2 и 3 мало чем уступают надписи № 3735, все же в двух из них, в №№ 3737 и 3, обнаруживается сложный эпитет قامع الكفرة و المشركين 'покоритель неверия и многобожников', отсутствующий как в надписи № 3735, так и во всех остальных надписях цитадели. Еще один эпитет Тогрула — شهنشاہ الاعظم 'величайший шахиншах' — содержится единственный раз, согласно чтению А. Ш. Бейгу, в надписи № 3738. Мы отмечали также пестроту в титуловании Лулу. Если бы не было такого

же явления в отношении титулования Тогрула, имелось бы, пожалуй, основание предположить, что, пока шло строительство цитадели, Лулу как руководитель работ был повышен в звании в награду за свою деятельность. В таком случае мы должны были бы допустить также некоторую разновременность в датах надписей. Однако вопрос об одновременности их для нас не составляет сомнения и причину пестроты в титуловании правителя и управителя его двора нужно искать в другом. Мы уже имели повод убедиться в том, что Лулу как управитель двора Тогрула называется в одних надписях 'استاد الدار' 'устан ад-дар', в других — 'کوتوال بک' 'кутвал-бек'. До этого мы встретились с персидским началом надписи № 3737 и с составленной на персидском языке датой в надписи № 1. В надписях же №№ 4 и 5 употреблено выражение 'فی ید' 'при посредстве', которое составлено из арабских слов, но совершенно неупотребительно в арабском языке. Это выражение явно переводное и может идти только из армянского языка, в котором, наряду с выражением *ձեռնարկ*, соответствующим употребленному в надписях №№ 3735 и 3738 арабскому 'على ید', имеется выражение *բ Ժեռն*, точным соответствием которого является выражение 'فی ید'. Эти примеры свидетельствуют о том, что в составлении текста надписей принимали участие представители разных народов, для которых арабский язык не был родным и которые при переводе этих надписей на арабский, оставили в них следы своих языков или языков, на которых они привыкли составлять подобные надписи. Этим же объясняется и то обстоятельство, что надписи Байбуртской цитадели, арабские по своему языку, в подавляющем своем большинстве грешат против полноты арабской фразы. Принимая же во внимание также пестроту в титуловании правителя и его эмира, можно придти к заключению, что надписи составлялись по общему указанию, но независимо одна от другой, каждая на своем строительном участке, причем, как показывают надписи №№ 4 и 5, один и тот же текст мог быть повторен в пределах своего участка. Поэтому не исключена возможность, что первоначально надписей было больше и что часть их погибла вследствие разрушения стен.

Возвращаясь к титулу Тогрула, следует отметить, что помимо того, что он составлен на арабском языке, в нем сельджукскими являются только его собственное имя, имя Килич-Арслан, принадлежавшее его отцу и его прадеду и, наконец, эпитет „Совершенство рода Сельджука“, свидетельствующий о принадлежности к этому роду Тогрула. Все остальное в его титуле, как уже указывалось, является заимствованием, в котором, наряду с преобладающим арабским элементом, встречается также персидский элемент. В еще большей степени это замечание относится к титулу Лулу.

Тщетно было бы искать признаков чего-либо специфически сельджукского и в самой цитадели. Помимо того, что, как отмечалось выше, она оставляет желать лучшего в архитектурном отношении, в строительном отношении, если не считаться с ее размерами, она не отличается от подобных более ранних и современных ей построек, остатки которых и донныне еще сохраняются как в ближайших к Байбурту, так и в иных, более восточных, областях Армении. На основании языка надписей цитадели мы вправе прийти к заключению, что в строительстве ее принимали участие, наряду с местными и привлеченными из соседних областей ремесленниками, которые могли быть только армянами по национальности, также ремесленники, привлеченные

из более восточных областей Армении, возможно и иных областей, где строительным материалом являлся камень, а языком официальных надписей, наряду с арабским, — также и персидский. Таким образом, в этом памятнике сельджукского периода нет, в сущности, ничего собственно сельджукского, не говоря уже о том, что единственно сохранившееся внутри цитадели здание является базиличной церковью. Все это вполне согласуется с той точкой зрения на так называемое „сельджукское искусство“, которую вполне убедительно обосновал акад. И. А. Орбели и согласно которой это искусство было создано не сельджуками, а местным коренным населением, культуру которого и восприняли сельджуки-завоеватели.¹ Небольшим штрихом, подтверждающим эту точку зрения, могут послужить выводы, вытекающие из рассмотренных нами надписей.

Этими выводами и хотелось бы принести акад. И. А. Орбели благодарность за предоставление в мое распоряжение фотографий, послуживших материалом для настоящей статьи, и за разрешение использования в ней данных, почерпнутых из рукописи его доклада о Байбуртской цитадели.

¹ И. А. Орбели. Сельджукское искусство. Краткое изложение доклада. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, Доклады, Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1939, стр. 150—155.